

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 122–144
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 122–144

Научная статья

УДК-371

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.08>

ТИПОЛОГИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАЦИЙ ДОМОВОГО В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Ирина Викторовна Якушевич¹, Надежда Сергеевна Ивашина²

^{1, 2} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹ sal1107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

² nadyha.92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-8102>

Аннотация. В статье собраны и систематизированы диалектные названия домового разных регионов России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью реконструировать локус, внешний облик, характерное поведение, оценочность образа русского домового и объективно противопоставить национальный образ сложившимся медийным стереотипам. Источником данной семантики является внутренняя форма диалектизмов. Найденные мотивационные семы легли в основу типологии диалектизмов и ряда их символических значений: 1) предок, 2) огонь, 3) потусторонний мир, 4) достаток, 5) двойник. Статью завершает собирательный семантический портрет русского домового.

Ключевые слова: домовый, символ, внутренняя форма слова, этимологическое значение, мотивация, символическое значение.

Для цитирования: Якушевич И.В., Ивашина Н.С. Типология и символические значения номинаций домового в русских народных говорах // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 122–144. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.08>.

Original article

TYOLOGY AND SYMBOLIC MEANINGS OF THE HOUSE SPIRIT NOMINATIONS IN RUSSIAN NATIONAL DIALECTS

Irina Viktorovna Yakushevich¹, Nadezda Sergeevna Ivashinina²

^{1,2} Moscow City University, Moscow, Russia

¹ sa1107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

² nadyha.92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-8102>

Abstract. The article is devoted to the systematization and etymological analysis of the dialect nominations of a Slavic house spirit ‘domovoy’ in different regions of Russia. The relevance of the study is due, firstly, to the fact that in Russian linguistics there are very few works dedicated to the corpus of dialect names of the house spirit. Most of them are related to historical, ethnographic, folklore, literary, mythological, and esoteric studies. The systematization of the nominations of ‘domovoy’ reveals culturally significant criteria by which this mythological character exists in the linguistic picture of the world of the people. Secondly, in the situation of persistent and even aggressive expansion of the linguistic multicultural space, on the one hand, the interest of all Russian language learners in Slavic culture and mythology is stimulated. On the other hand, there is an urgent need to preserve the national linguistic heritage and based on it to reconstruct the ancient Slavic mythological worldview and symbols, which will help to solve the issue of ethnic identity of the people. The fundamental principle of dialects systematization is researching the inner form of the word (F. von Humboldt, A.A. Potebnya, N.F. Alefirenko). As a result of an extensive and continuous sampling using a number of dialect dictionaries, 11 groups of ‘domovoy’ nominations were formed based on the root morphemes with the following semantics: 1) ‘place’, 2) ‘relationship’, 3) ‘domovoy’s activities’, 4) ‘attitude’, 5) ‘appearance’, 6) ‘ani-mal’, 7) ‘shadow’, 8) ‘light’, 9) ‘fat’ (semantics of wellbeing and prosperity, 10) ‘time’. The last group is formed by taboo nominations for the pronoun used for domovoy. The inner form of the word determines not only the motivation of lexemes, but also objective symbolic meanings of the word (A.N. Afanasiev, A.A. Potebnya, A.N. Toporov). The lexeme was considered as a semantic and semiotic model of the symbol — a sign, consisting of three components: (1) word, (2) perceptive image, presented as a concept, (3) symbolic meaning, revealed as a result of reconstruction of the inner form of dialect nominations. The perceptual image expressed by the word is the signifier of the symbol, and the symbolic meaning is the signified. The study found the following symbolic meanings of the house spirit: (1) ancestor, (2)

fire, (3) underworld, death, (4) wealth, (5) a double. The article concludes with a collective semantic portrait of a Russian house spirit created as a result of the generalization.

Key words: spirit of the house, symbol, internal form of words, etymological value, motivation, symbolic meaning.

For citation: Yakushevich I.V., Ivashinina N.S. Typology and symbolic meanings of the house spirit nominations in russian national dialects. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. М.: Knigodel, 2021; (XV): 122–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.08>.

© Якушевич И.В., Ивашина Н.С., 2021

Введение. Лексикой, называющей русского домового, занимались знаменитые русские фольклористы и этнографы: В.И. Даль [Даль: URL], М.И. Забылин [Забылин 2014], С.В. Максимов [Максимов 1903], Б.А. Успенский [Успенский 1952], Б.А. Рыбаков [Рыбаков 2013], Э.В. Померанцева [Померанцева 1975], А.К. Байбурин [Байбурин 1983]. Среди современных лингвистических исследователей — Н.А. Криничная [Криничная 2004], Л.Н. Виноградова [Виноградова 2000], О.А. Черепанова [Черепанова 1983]. Региональную мифологию изучали Т.Г. Голева (коми-пермяки) [Голева 2010], В.А. Ендеров (чуваши) [Ендеров 2002], Р.Н. Касимов (чепецкие татары) [Касимов 1999] и др. Однако в диалектологии и в других областях лингвистики очень мало исследований, посвященных семантике домового. Обращение к диалектному материалу, безусловно, сохраняет свою актуальность, поскольку народная региональная речь является «уникальной составляющей национальной культуры, передающей последующим поколениям самобытное мироощущение, — национально-специфический взгляд на отношение к миру, к другим людям» [Маркина 2016: 64].

Предмет данного исследования — диалектные номинации домового в разных регионах России. Авторы поставили перед собой несколько задач: не только собрать корпус такой лексики и систематизировать ее, предложив один из вариантов семантической типологии, но и, реконструируя внутреннюю форму номинаций, выявить объективные символические значения обобщенного понятия «домовой», а также предложить его семантический портрет, визуализирующий русского духа дома.

Методология исследования. Источником фактического материала послужили записи высказываний носителей русских народных говоров России, зафиксированные в ряде диалектных словарей (см. Источники) и отобранные методом сплошной выборки. Научно-методологическую основу настоящего исследования также составили работы А.Н. Афанасьева,

А.А. Потебни, В. фон Гумбольта, А.Н. Трубачева, В.В. Иванова, Н.Ф. Алефиренко, посвященные внутренней форме слова.

Для производных слов типа *домовой, овсянник, манилко, игрец* и др. она отождествляется с мотивирующей производящей основой [Алефиренко 2005: 130]. Для анализа слов с непроизводной основой мы обратились к теории внутренней формы слова А.А. Потебни. Это «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль». Ученый подчеркивает двухкомпонентность внутренней формы. Первый компонент — это образ предмета как совокупность его самых разнообразных признаков, выделяемых субъективно. Вторым — так называемое «объективное значение», оно же «ближайшее этимологическое значение», только один из признаков, легших в основу номинации. Так, стол обладает множеством качеств (он из дерева, за ним едят, его сервируют и пр.), но только значение ‘то, что стелется’, от гл. *стлать* объективно легло в основу номинации. Следовательно, отношение образа как конгломерата субъективно выделяемых разнообразных признаков и одного объективного признака, этимона, сам факт выделения которого обусловлен национальным менталитетом, и следует считать внутренней формой слова [Потебня 1999: 90]. Для реконструкции внутренней формы непроизводных лексем был применен метод этимологического анализа слова, предполагающий не только обращение к достижениям сравнительно-исторического языкознания, но и комбинирование «ряда средств анализа, заимствованных из <...> словообразования, морфологии, лексикологии, семантики и др. дисциплин» [Топоров 2004: 24].

Слово в учении А.А. Потебни — символ [Алексеев 2013: 56–60]. В семантико-семиотической традиции (Р. Барт, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман) символ представлен как знак с тремя компонентами и двумя ступенями означения: 1) слово — 2) перцептивный образ, представленный как понятие, — 3) символическое значение [Якушевич 2012: 6]. Символизация — это процесс означения перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей абстрактной, непознанной субъектом реальности (мир, смерть, душа, плодородие и пр.). Перцептивный образ, выраженный словом, является означающим символа, а символическое значение — означаемым [Якушевич 2011: 85–86]. Так слово-символ «окно» состоит из 1) звуко-буквенной формы слова *окно*; 2) перцептивного образа ‘застекленный проем в стене, служащий для поступления света в помещения, а также вентиляции’; 3) закрепленных за означающим символических значений, отраженных в русской культуре. В их число входит значение ‘окно как глаз’. А.А. Потебня писал, что за словом *окно* стоит образ рамы со стеклом (перцептивный образ, означающее символа). Среди его многочисленных признаков только один становится этимоном: ‘то, куда смотрят или куда проходит свет’ [Потебня 1999: 90]. Это и есть внутренняя форма

слова *окно*, возникшая из отношения эмпирического образа и этимона. Но особое значение имеет также то, что этимон становится одним из символических значений номинации: 1) окно (звуко-буквенная форма) — 2) перцептивный образ в виде рамы со стеклом — 3) 'глаз'. Таким образом, для реконструкции закрепленного в слове символического значения необходимо обратиться к его этимону. Есть, конечно, и другие символические значения, о которых можно узнать только из записанных высказываний информантов, а также из фольклорных текстов. Так, другой признак окна — 'отверстие в стене' — мотивирует значение 'канал связи между миром живых и миром мертвых'. Например, если через окно влетала птица, символизирующая душу мертвого человека, значит быть беде: кто-то заболел, умрет, быть пожару: *Ласточка в окно влетит — к покойнику; галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, к худу; нетопырь залетает в дом — к беде, ворон каркает — к покойнику* [Даль 1989: III, 585].

Исследование. В результате систематизации номинаций домового были сформированы 11 лексико-семантических групп:

I. Мотивация семантикой 'место'. А. ДОМ.

1. Дом: *домáнушко, домáшничек, домовéй, домовéйко, домовóй, домовáюшко, домовéдушка(о), домовéюшко, домовíд и домовíдушко, домовíк, домовíтой, домовíтушко, домовичóк, домовíшко, домóвушко, домовя́шник, доможíжишко, доможíl и доможílко, доможír и доможírко, домохо-зьяин, домохозяйюшко. 2. Печь: *запéченник, запéчельник, запéчнушко, печной хозя́ин, подпéчник. 3. Тот, кто на одном локусе:* *сосéд и сусéд, сосéдка(о), сусéдка(о), сосéдушка(о) и сусéдушка(о), сусéдушка(о)-букáнушко(о), сéдушко-букáнушко, сусéдушко-бурéдушка, дедушка(о)-сусéдко. 4. Подпол:* *подполя́ник. 5. Сени:* *сенной. Б. ДВОР. 1. Амбар:* *амба́рник, амба́рный. 2. Баня:* *ба́нник, ба́енник, банный домовик (хозяин, дедка(о), че́рт, че́ртушко, бес, пастырь, староста, баенной (ое)), банячу́д, жи́хорь баянный. 3. Гумно:* *гумéнник. гумéнный. 4. Двор:* *дво́рник, дво́ровой, дво́ровушко, дво́рной, дво́рной хозяин, дво́ровíк. 5. Конюшня:* *коню́шник. 6. Овин:* *ови́нник, ови́нной дедка(о), ови́нный дедушка(о), ови́нщик, подови́нник, подови́нный. 7. Рига:* *рига́чник.**

II. Мотивация семантикой 'родство'. 1. Глава семьи: *бата́нушка(о), батюшка, больша́к, ботамáнушко, да́денька-батюшка, кормилец, корми́нчик, хозяин. 2. Дед:* *дед дома, дед, дед-домовой, дедка(о), дедка(о)-домовой, дед-сосед, деду́ха, дедушка(о), дедушка(о)-бата́нушко, дедушка(о)-домовойко, дедушка(о)-домовéюшко (домовоюшко, домоваяюшко), дедушка(о)-домовíдушко, дедушка(о)-домовишко, дедушка(о)-домохозяйюшко, дедушка(о)-сеновозушко, дедушка(о)-суседушко, лебаба́й. 3. Другие члены семьи:* *братáнушка(о), дедушка(о)-братанушка(о),*

III. Мотивация семантикой 'характерное для домового действие': *бо́мка, букáн, букáнка(о), букáнушко, бу́ка, бу́кало, букана́й, букана́тка, вази́ла, гне́тке и гне́тко, игре́ц, изво́день, корми́лец, корми́нчик, лизу́н, мани́лко*

и *маніло, му́ка, переба́ечник, притчу́н, пужанка, соседушка-буканушко, стрі́га, стрі́ж*.

IV. Мотивация семантикой ‘оценка’: 1. **Отрицательная:** *бесте́нный бу́ка, дурной, еретни́к, жи́харь и жи́хорько, изво́день, ляд, притчу́н, страхила́т, шилику́н*. 2. **Положительная:** *доброхо́т, доброходушко, жирово́й, жирови́к, жиро́вый, мила́к, норово́юшко*.

V. Мотивация семантикой ‘внешность’: *белу́н, иго́ша, обла́м и обло́м, се-душка-буредушка, стрі́га, шерстна́тый*.

VI. Мотивация семантикой ‘шерсть’: *бирюк, котанко, ласка, медведушко, скотный кормилец, суседушка-буредушка*.

VII. Мотивация семантикой ‘тень’: *другая половина, па́сте́н, по́стен и по́стенъ, стень и стинь, бесте́нный бу́ка*.

VIII. Мотивация семантикой ‘нечистая сила’: *бесте́нный бу́ка, кикимора, лопа́стный, мадра́с, навно́й (намной), чертышко*.

IX. Табуированные местоименные номинации: *другая половина, он и ён, они, о́ны и ё́ны, сам*.

X. Мотивация семантикой ‘достаток’: *жирово́й, жиро́вый, доможи́р, доможи́рушка(о)*.

XI. Мотивация семантикой ‘время’: *полу́денный, полу́ночник*.

I. Мотивация семантикой ‘место’. Название домового мотивировано номинацией дома или прилегающих к нему хозяйственных построек: дом — *домовой, домовей, домовид и др.* В номинациях с корнем *сосед-* этимологическое значение, вытекающее из сложения приставки *су-* и корня *-сед-*, имеет значение ‘живущий рядом’, т.е. «сидящий» на том же месте, что и хозяин [Фасмер: IV, 726]. О *соседке*: *Девки! Ужинать, не то соседко рубаху порвет; У кого волос растрепался, говорят: Соседушка-баканушка приходил, косу разлохматил // Проснулась другой раз суседко на меня навалился, душить зачал, борода красна, до пупа (Вят.) // Суседушко-дворовый идет сопит, черный, мохнатый; как к худу, так дунет, а к добру—поглядит (Костр.)* [СРНГ: XL, 41; СРНГ: XLII, 297]. Безусловно, мотивация по локусу является самой распространенной, т.к. с точки зрения славянского мифологического мышления дом — центр мира. У дома амбивалентная символика: с одной стороны, его стены формируют внутреннее, замкнутое, «свое», пространство человека, с другой — связывают человека с внешним, «чужим» и опасным, миром. Причем оппозицию «внутри дома — снаружи» следует рассматривать не только в пространственном, но и в мистическом смысле как «этот свет — тот свет» [Байбурин 1983: 125–187]. В русской избе существовало несколько мест, преимущественно «отверстий», связывающих человека с потусторонним миром и служащих пристанищем домового: дверь, окна, печной зев и дымоход, подпол, куда можно было попасть через голбец — дощатое помещение около печи со спуском в подполье. Кроме того, у духа дома пользовались популяр-

ностью нежилые или летние помещения — чердак, сени, клеть, чулан. В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы некоторые номинации, мотивированные такими помещениями в избе: *запéчье* (угол за печью для хранения кухонной утвари) — *запéченник*, *запéчнушко*, *запéченьник*, клеть — *клётник*, подполье — *подполянник*, сени — *сенной* (*Не ходи в сени, а то заберет сенной* (Калин.) [СРНГ: XXXVII, 167]. Про клетника: «Если осерчает на хозяина, мешки с мукой порвет, зерно разбросает, зимой в морозную ночь дверь отворит, летом в дождь крышу прохудит» [Грушко, Медведев 1995а: 205].

Самое излюбленное место домового — печь и все ее детали: печной зев, труба, запечье, подпечье, голбец): *Ребят припугивали: запéченьник вот выйдет из-за печки, старик какой-нибудь* (Арх.) [АОС: XVIII, 362]. В мифологическом сознании печь — сакральный центр не только дома, но всего мироздания. Здесь находился домашний огонь, оставленный предками, поэтому печь хранила информацию о прошлом и будущем семьи. Печь была не только источником тепла, местом приготовления пищи, местом для сна. В Центральной России в печи мылись, лечились, проводили свадебные и похоронные обряды [Байбурин 1983: 160]. Печь спасала от любой нечистой силы, только домовая была «своей» и могла жить в любой ее части [Голева 2010: 16], поскольку первоначально под «домовым» подразумевался огонь, разводимый в печи [Афанасьев 1994: II, 67; Ивашина 2021].

За стенами дома пространство также освоено человеком, и его границы расходились условными концентрическими кругами: в центре печь и дом, далее двор, ограниченный околицей, внутри которого хозяйственные постройки, потом сад и огород и, наконец, возделанная пашня, поле. А вот дальше пространство было неосвоенное, «чужое», и там влияние домового заканчивалось. Таким образом, к номинациям домовых относятся только те, которые мотивированы семантикой лишь такого места, которое освоено человеком и приспособлено к хозяйственным нуждам: *овин* — *овинщик*, *амбар* — *амбарник*, *баня* — *баенник*, *гумно* — *гумённик*, *двор* — *дворовик*, *конюшня* — *конюшенник*, *сарай* — *сарайник*, *рига* — *ригачник*, *поле* — *полевик*. Приведем примеры: *Под праздник гнали тарелку в овине, а нада была малица, нас так выпужу авиншишык, камнями стал кидаца, чуть убегли* [ССГ: VII, 148] // *Дворовик* днем бывает, как змея, у которой голова, как у петуха, с гребнем, ночью он имеет вид и цвет волос, как у хозяина дома (Пск.) *Высокий, черный, страшный* (Новг.) // *Полевик* не любит, чтобы на поле ругались // *Баенник* тебя поймает, зашчекочет; *баенник* в котла черного окружается с зелеными глазами; говорят, что *баенник* в старых банях живет, у реки которы черные, баенник камнями кидается [СГРС: VII, 148, 300; XXIX, 47; I, 21].

Мотивация семантикой ‘родство’. Номинации домового мотивированы семантикой родства не случайно. По мнению многих исследователей, домовый — это дух умершего предка. Его принадлежность к семье объясняет, почему главная функция *деда* — охранять дом от бед и нечистой силы и преумножать его достаток [Рыбаков 2013: 121, 521, 538]. Мотивирующая основа — *дед*. *Дедами* у славян называли всех умерших родственников [СРНГ: XVI, 28, 200]. В Арх. словосочетание *деды и прадеды* имело значение ‘все прошлое, вся родословная, весь род’ [АОС: X, 405].

Часто встречаются номинации *батáнушка, ботамáнушко*: *Укого батáнушко не полюбит скота, то не откормишь. Человека сонного батанушко нередко дави* [СРНГ: II, 141]. Одна из версий этимологии этого слова — наложение слов *батя* и *атаман* [Фасмер: I, 133]. Еще одно прозвище домового — *лебабай* (Арх.). Им пугали детей и говорили: *Будешь баловать, лебабай придёт и заберёт тебя* [СГРС: VII, 44]. Этимология этого слова неясна. Вероятнее всего, в основе лежит татарское слово *бабай* (‘дед’). Возможно, произошло наложение слов *бабай* и *лёмбой* (или *лёмбай*). Это слово как раз было распространено в Арх. и Олон., взято из словаря карел-людигов (субэтнос), где обозначало «черт» [Фасмер: II, 480]. *Лембоем* в севернорусских говорах называли духа, который похищал детей, давил во сне, насылал болезни. Но иногда он помогал, что и позволило этим словом называть не только черта, но домового: *Кой лёмбой ты там делаешь?* [СРНГ: XVI, 347].

III. Мотивация семантикой ‘характерное для домового действие’. Семантика домового, как и дома, чьей персонификацией он является, амбивалентна. Именно поэтому у духа дома противоположные качества: он и хранит, помогая рачительным хозяевам, и в то же время озорничает, даже строго наказывает своих нерадивых потомков. В этой группе много отглагольных номинаций. По мотивирующему глаголу можно угадать, какие именно действия свойственны домовому. К вредным его поступкам (которых больше) относятся: *гнётить* — *гнётко, пужать* — *пужанка, б́укать* — *букáнко, бука, мучить* — *м́ука, манить* — *манилко, изводить* (неприятными звуками) — *извóдень, хáмать* (‘есть, жевать, кусать, зевать’: [Даль 1989: IV, 542]) — *хáма, лизать* — *лизун, играть* — *игрец, стричь* — *стриж и стрига, бóмкать* — *бóмка, б́аять* (‘рассказывать’) — *перебаечник, обломать* — *облом, кормить* — *кормильчик или кормилец, осадить* (‘бить’, ‘колотить кого-нибудь’) — *осад*. Приведем примеры: *манилко поманит, в бане-то боялись, манило-то тебя уташишит, детишкам говорили; чего оделся как манило, как воронье пугало; манило какое покажется, мертвец в белой одежде* (Арх.) // *Изводня-то нету, дак больно и хорошо* [СВГ: III, 8] // *Запугивали букой да мукой* (Арх.) [СГРС: VII, 236, 355].

Лексема *гнетить* синкретична и обозначает на Севере 1) ‘жать, давить’, 2) ‘разжигать огонь’ [СРНГ: VI, 241]. Отсюда *загнетка* — горячие угли

в устье печи, а также печная заслонка, загораживающая эти угли [СРНГ: X, 11]. Первое значение мотивирует действия домового: *Нечистый вроде домового; принимает образ домашних животных; душит, гнетет по ночам* (Ленингр., Калинин.). Второе значение, по нашему мнению, подчеркивает символическую связь домового с огнем и печью. Недаром подруга *гнетке, гнетёя*, персонифицирует не только гнет и давление, но и лихорадку, т. е. повышение температуры, когда все тело «горит»: *гнетёя же ложится у человека на ребра и взвивает утробу; а если кто хочет есть, пусть ест, только из души у того человека вон идет* (заговор) (Олон., Ленингр., Калинин.) [СРНГ: VI, 241].

У корня *бук-* в словах слов *бука, букало, букан, буканай, буканайко, буканко, буканушко, буканатка* также неоднозначная мотивация. В Арх. производящим мог быть глагол *букать* в двух значениях: 1) ‘звучать, брнчать, стучать’, 2) ‘пугать’. Этимология корня *бук-* обозначена в словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко: *бук-* входит в состав многих слов с семантикой звука, шума: *буча* (‘шум’), *бучить* (‘реветь’, и ‘бык как ревуший’), *букашка* (буквально ‘жужжащая’), *бучель* (‘шмель’) [Дьяченко 1997: 61]. *Бука* — это не только шум, смятение, но и устраивающая его нечистая сила, в том числе и домового: *Седушко-буканушко дому хозяин* [СРНГ: XXXVII, 119]. Корень *бук-* мог быть и частью заимствованного из романских в славянские языки слова *букастый* со значением ‘толстый, полный’ как метафора первичного значения ‘кусочек, хлеб’ [Толстик 2016: 71]. В пользу этой версии говорит другая номинация домового со значением ‘округлый’ — *облам* или *облом*, возможно, восходящее к праслав. *обль (обльй), т. е. ‘округлый’.

Среди пристрастий *лизуна* — зализывать шерсть домашней скотины и волосы у людей [Королев 2006: 272]. Однако, в Смол. *лизуном* называли и сноп огня, и домового, живущего под печью; им же пугали детей [СРНГ: XVII, 44]. Как метафора пламени, эта номинация указывает на персонификацию печного огня.

Игрец — одно из самых веселых воплощений домового: он часто подшучивает над людьми, прячет вещи. *В ссоре между поселянками слышна бывает злостная побранка: «Игрец тебя подыграй»* (Курск.) [СРНГ: XII, 70].

От слова *притча* — ‘внезапная болезнь, припадок, вызванные колдовством, сглаз’ — произошли слова *притчина* (‘несчастье, беда, жалоба’) [СРНГ: XXXII, 33] и *притчун* — номинация злобного домового, который насылал внезапную болезнь или обморок беременным женщинам, и они теряли детей: *одна у нас скинула, у другой глухонький народился. Все притчун* (Волог.) [СВГ: VI, 66].

Облом обламывает лошадей, а иногда и людей (Курск., Калужск.): *Знать облом его изломал* [СРНГ: XXII, 108].

Стриж — одно из орнитологических воплощений домового. В Вят. вместо кикиморы живет **стриж**, который, поселившись среди овец, вместо всяких паразитов, выстригает у нелюбимых животных почти всю шерсть догола. Представляют себе этого злодея в виде птицы сыча с крыльями из мягкой кожи, не покрытой перьями [СРНГ: XLII, 5]. Семантической доминантой этого домового является действие по глаголу *стричь*. Производное же слово *стриж* синкретично и обозначает 1) ‘того, кто стрижет’, 2) ‘птицу стрижа’, известного своим «бреющим» полетом. Однокоренное слово *стрига* — еще одно имя домового по глаголу *стричь* [СРНГ: XLI, 339].

Про *перебаечника* известно, что он «появляется только ночью и не любит, чтобы за ним наблюдали. После страшных разговоров, историй, рассказываемых поздно, перед сном, можно расслышать его тихий плач и глухие сдержанные стоны, прерывисто-краткий голос. Желательно не заговаривать с ним, добра не будет: от этого можно опасно заболеть» [Грушко, Медведев 1995: 347].

К полезным поступкам домового можно отнести следующие: *кормить* — *кормилец* или *корминчик*, *вазывать* — *вазила*. Последнее слово мотивировано глаголом *вазывать/важивать*, т. е. ‘водить’ (*Я не важивала коров, а мама важивала*. На связь со скотом указывает и междометие *вази-вази*, которым подзывали коров [АОС: III, 25, 26]. «Если на конюшне вдруг увидишь крошечного человечка с конскими ушами и копытами, знай, что это — **вазила**: он всячески заботится о лошадях, оберегает их от болезней, а когда они на выпасе, в табуне, — и от хищного зверя» [Грушко, Медведев 1995а: 59]. О кормильце в северных говорах: **Кормилец** у всех живёт, без него никак нельзя; над хлевом-то у нас **кормилец** стонет — не перед добром // Восемьдесят лет прожила, а **кормильца** не видела // Полюбит каку скотину **кормильчик**, так той лошаде гриву заплетает [СГРС: VI, 42].

Номинация *осад* мотивирована глаголом *осадить* со значением ‘бить, колотить’. Так, в проклятии: *Осади, осад, (кого-либо). Осади того, осад, кто ходит к нам в сад* (Курск.) [СРНГ: XXIII, 350].

IV. Мотивация семантикой ‘оценка’. В эту группу собраны номинации домового, мотивированные словами с ярко выраженной положительной либо чаще всего отрицательной оценкой в производящей основе. Как и в предыдущих группах, противоположные оценки материализуют символическую амбивалентность домового.

Номинации *жировой*, *жирóвый* (Карел., Олон.) [СРНГ: IX, 198–199; XXXIV, 154] являются производными от слова *жир*, этимологическое значение которого синкретично и соединяет значения 1) ‘жить’, 2) ‘есть’ [Фасмер: II, 56]. Именно вследствие объединения этих значений возникла положительная оценка, более отчетливая в северных говорах, где в условиях сурового климата благополучной, «жирной», жизни достичь трудно. Оценочность есть как в слове *жир*, так и однокоренных словах: 1) *жир* как ‘сыт-

ная, привольная жизнь’, *жировой* — ‘счастливый, богатый’, *жировать* — ‘приятно проводить время’ (Арх., Сиб., Влад., Камч.), *жировье* — ‘хорошая, сытная жизнь’ (Олон.), *жировать* — ‘есть вдоволь некоторое время’ (Камч., Пск.). Слово *жировой* многозначно и соединяет несколько значений, связанных с семантикой ‘жить’, в том числе ‘жилой, обитаемый, здешний местный’, и ‘домовой’. Предположительно, что в значении ‘домовой’ сохраняется положительная оценка. В словах *жихорко* (*жихарько*) эта оценка очевидна, поскольку связана с уменьшительным суффиксом -к- и отражена в значении слова: «олицетворение представления о каком-то мифическом существе, служащем выражением домашности, любви, привязанности к дому» [СРНГ: IX, 198, 199]. Недаром *Жихарько* — один из положительных персонажей русской сказки. А вот в слове *жихарь* оценка отсутствует, но внутренняя форма также связана с глаголом *жить*: это и житель, и постоялец, и само хозяйство с домом, и сам домовой: *Около одного места живет жировной жихарь, он здешний жихарь* (Арх.).

Слово *милák* в Курск. имеет два значения: прямое оценочное ‘приятный человек’ и метонимическое, также коннотативное, ‘домовой’ [СРНГ: XVIII, 159].

Положительная оценка в слове *норовоюшко* отмечена деминутивным суффиксом -юшк- и произошло от *норовить* в значении ‘угождать’: *Норовоюшко дома живёт, ребята видели его* [СВГ: V, 111].

Лядом называли и черта и домового во многих областях. Этимология этого слова неоднозначна. По М. Фасмеру, оно происходит *ледачий или ледачий* (‘непутевый, негодный, скверный’), либо от польск. *ladaczy* «черт» [Фасмер: II, 549; СРНГ: XVI, 318].

Слова *дурной* и *лихой* объединены синонимичными производящими словами — *дурь* и *лихо*. В некоторых оценочных значениях слова *лихо* и *ляд* синонимичны: 1) ‘нечистая сила’, 2) ‘горе-беда’. А ‘болезнь’ есть в трех номинациях — *дурь*, *лихо* и *ляд*. Отрицательная оценка этих слов сохраняется и в значении ‘домовой’, о чем можно судить из контекстов: *Ах, горя какая! Дурной-от всю лошадь измучал, кости да кожа только остались* (Ворон.) / *Лихой тебя возьми (измучь, избеи)!* Бранное пожелание (Орл., Ряз.) / *Пошел ты к ляду!* (Тул.) [СРНГ: XVII, 76, 259; VIII, 268, 270].

В слове *еретник* все вторичные значения оценочно маркированные, т.к. обозначают отступников от православной веры: колдунов, духов умерших, домового: *А это все оттого и бывает, что он, еретник-от, дом не взлюбит* (Казан.). Негативную оценку подчеркивает употребление *еретника* в качестве бранного слова, называющего свирепого, знающего с нечистой силой человека [СРНГ: IX, 23].

Уральское слово *страхилát* в первичном значении — что-либо некрасивое, безобразное, внушающее отвращение. Вторичное значение ‘домовой’ наследует негативную оценку. В сказе «У старого рудника» П.П.Бажов

упоминает *страхилатку*: *Тут мне и покажись, будто из горы страхилатка лезет* [СРНГ: ХLI, 291].

Слово *шиликун*, по всей видимости, восходит к праславянскому *šujь* — ‘левый, неправедный’ (противопоставленный *despъ* — ‘правый’ и *pravъ* — ‘правый, праведный’). «Негодным» и «неправедным» в поверьях традиционно именуется нечистый дух, откуда могло возникнуть и его название — *шиликун* (с суффиксом *-ун-*, означающим действующее лицо). «По народному поверью, **шуликунов** рождает на святки кикимора, считалось также, что шуликунами становятся проклятые или погубленные матерями младенцы. Мелкие нечистые духи, ростом с кулачок..., они могут иметь конские ноги и заостренную голову; изо рта у них вырывается пламя. Они носят белые самотканые кафтаны с кушаками и остроконечные шапки. Ходят жожаками» [Шапарова 2001: 544].

V. Мотивация семантикой ‘внешность’. Эта группа номинаций особенно ценна, т.к. отражает представления о внешности домового, хотя, согласно поверьям, его можно увидеть только перед бедой. *Белун* мотивировано прилагательным *белый* и встречается у В.И. Даля: «Добрый домовый, с белой бородой, в белом саване, с белым посохом, является с просьбой утереть ему нос и за это сыплет деньги носом» [цит. по СРНГ: II, 228; см также Ивашина 2020]. Уральское слово *буредушка* мотивировано одновременно и семантикой бурого, темно-коричневого цвета, и шерсти, поскольку речь идет о масти животного: *Соседушко-буредушко, люби мою коровку* [СРНГ: ХLII, 297]. Возможно, что домовый не только ухаживает за скотом, но и сам в него превращается.

Внутренняя форма слов *облам* и *облом* не прояснена. Слова могут быть мотивированы не только глаголом *обломать*, но и праслав. **obъlъ* (облый) со значением ‘округлый’. Отсюда *обляк* «круглый полоз саней, на которых можно ездить и летом» (Олон.) [Фасмер: III, 103; СРНГ: ХХII, 84]. Возможно, домовый-облам не только тот, кто ломает, но и тот, кто имеет округлые формы.

Игоша упоминается и у В.И. Даля, А.Н. Афанасьева и И.Е. Забелина. Это мертворожденный младенец, уродец без рук без ног, который родился и умер некрещеным. Он проказит, если его не считают домовым. Возможное производящее слово — *иготь*, т. е. ‘ступка’ [Фасмер: II, 116]. Крошечный *игоша* внешне похож на маленькую ступку, в которой, например, толкут сахар. Общими являются семы ‘маленький’ и сема отсутствия деталей тела. Догадку подтверждает значение однокоренного слова *игошка* — о том, кто ничего не имеет, но ценит то, что есть: *богат игошка: есть собака и кошка* [СРНГ: XII, 65].

VI. Мотивация семантикой ‘шерсть’. Связь домового с шерстью — славянским символом достатка, плодородия и богатства — общеизвестна [Валенцова 2002: 39]. Зооморфные образы домового — это животные с богатой

шерстью: *медведь* — *медвѣдко*, *кот* — *котáнко*, *бурый* — *буредушко*, а также *ласка*. Приведем примеры: *Медведушка* дурной, он как ступит на дорогу — не пересекчи пропадает; у него коготки, как у медведя настоящего, только маленькие // *Ласка* даже иногда, бывает, сушит скотину, корову или лошадь защекотит до мокроты, кровь берѣт даже; сама *ласка* маленькая, токо хвостик тоненький. *Ласка* в доме живѣт, и лошадь-то всю в пену вгонит, у нас её не было, слава Богу. В каждом доме живѣт суседко, *ласка* — домовой, он присматривает за скотом, это уж евовное дело // *Суседушка-буредушка*, люби мою коровушку // *Котáнко* серый, привидилось нам [СГРС: XLII, 297; VII, 31, 260; XV, 101]. О кошке-домовом загадка: *Как у нас-то домовой носит шубку бархатну; у него-то, него глаза огненные, нос курнос, усы торчком, ушки чутки, ножки прытки, когти цепки. Днем на солнышке лежит, чудны сказки говорит, ночью бродит, на охоту ходит*» [Цит. по Криничная 2004: 127]. К этой группе можно отнести также *скóтного кормильца* (Волог.) или *скóтного суседку* (Енис.) — домового, который ухаживает за скотом [СРНГ: XXXVIII, 117].

Связь домового с семантикой шерсти иллюстрирует слово *бирюк* в донских говорах: это 1) волк, 2) домовой. В Самар., Казан. и Саратов. *бирюком* называли некое чудище, которым пугали детей: *Не плачь, бирюк услышит, ты плачешь — унесет тебя* [СРНГ: II, 294].

VIII. Мотивация семантикой ‘нечистая сила’. Многие имена домового мотивированы номинациями других сверхъестественных существ, относящихся к загробному миру: *мардуй* (*мардáс*), *лопастый*, *навной*, *чертышко*, *кикимора*. *Мардáс* (*мардуй*) от эст. *mardus* ‘привидение, дурная примета, загробный голос’ (Смол.) [Фасмер: II, 573]. Это мифологическое существо типа домового, оставляющее синяки на теле человека: *Мардáс* — *невидима животинка*, *мардас* выел — *пятна на руках появляются, там и зубы заметно; мардас* выел — *редко рассасывается* // *Мардас* выел — *пошли пятна-те, больше у стариков биват, мардас* выел — *к смерти* (Арх.) [СГРС: VII, 239].

Слово *навной* восходит к *навь* (‘мертвец, покойник’): *Не ложись у порогу — навной перешагнет* (Твер.) [СРНГ: XIX, 170, 191].

Трудно сказать, какая семантика слова *лопасть* стала внутренней формой для Астр. и Вят. *лопáстного*. Возможно, от *лопасти* как ‘ступни’ (Вят.) или *лопáсты* — русалки. Есть пара номинаций русалки и домового с измененным произношением: *лобаста* — *лобастный* [СРНГ: XVII, 95, 131, 132].

Номинация *кикимора* также обозначала домового мужского пола. Он появлялся по ночам с прялкой, веретеном, коробами и вьюшкой [СРНГ: XIII, 205].

VII. Мотивация символическим значением ‘тень’

Названия домового *стеня* (*стиня*), *тень*, *постен* (Ленингр., Новг., Ярослав., Волог., Арх., Латв. ССР) или *постень* (Твер., Новг.) с корнем -тен-, с одной стороны, мотивированы семантикой тьмы, потустороннего мира,

с другой — семантикой двойничества. Оба значения отражены в «Словаре русских народных говоров», например, в слове *стенъ* как 1) тень, 2) отражение в зеркале, 3) привидение, призрак, 4) отпечаток фигуры на земле, 5) домовой: *Во сне наваливается **стенъ** (Влад.) / На печке спал, да плохо: **стинъ** навалилась (Костром.) // Если человек не в состоянии пошевелиться, то говорят, что наваливается домовый или **постен**, и вставши спрашивают, к добру это или к худу» [СРНГ: XVI, 136–137; XXX, 225]. В словосочетании *бестённый б́ука* имя прилагательное также мотивировано значением ‘тень’: *это домовый в виде старца с бородою, который не имеет тени (Костром.)* [СРНГ: II, 281].*

След человека часто использовался для колдовства: например, вырезали ножом часть земли, ограниченную следом, и отождествляли с человеком, оставившим его. Отсюда *следъ* — нечто, содержащее образ человека, а также двойник, который является, как и домовый, перед смертью: *Увидела я **следъ** свою, звать к смерти* [СРНГ: XXXVIII, 252]. *Следъ*, вероятно, одна из номинаций домового в одной из его функций — предупреждать хозяина о его будущем, в частности о смерти. Значение двойника человека есть и в номинации домового *другая половинка* (Олон.) [СРНГ: XXIX, 88].

IX. Табуированные местоименные номинации

Домового, как умершего предка и представителя потустороннего мира, нельзя было называть, чтобы не навлечь на семью беды, зла. Ведь слово и дело у древних славян не разграничивались, и произнесение слова было равносильно появлению существа. По сути, все номинации домового — это табуированные названия в той или иной степени, особенно производные от местоимений: *сам* (Яросл., Зап., Южн. Сиб., Смол.) // *они* (Волог., Новг.) // *он и ён (оны и ёны)* (Смол., Тул., Яросл., Волог., Новг., Пск., Смол., Яросл., Сиб.). Например, *кобыла что-то худеть стала, видно **сам** не любит* (Зап., Юж. Сибирь) [СРНГ: XXIII, 213, 215; XXXVI, 72].

X. Мотивация символическим значением ‘достаток’

К этой группе мы отнесем номинации *жировик*, *жировой* и *жировый*, о мотивации которых корнем *-жир-* мы писали выше.

XI. Мотивация семантикой ‘время’

Полночь (реже полдень) считалась сакральным часом, когда нечистая сила появляется в доме и дворе, когда можно гадать, колдовать или попросить о чем-либо домового. Так, при переходе в новый дом именно в полдень переносили горшок с углем из старого дома, накрывали его скатертью и, растворяя двери, обращались к печке: «Милости просим, дедушка, к нам на новое жильё!» [Криничная 2004: 148, 150–152]. Олицетворением этого времени являлись *полудённый (полднево́й)* домовый, который появляется в полдень (Тул., Калуж.), и *полуночник*, который в полночь обходит всю деревню и возится на задворках, беспокоит спящих детей болез-

нями и бессонницей [СРНГ: XXIX, 43, 143, 156]: *Чу, полуночник прошел!* [Даль 1994: III, 251].

Перечислим некоторые символические значения, полученные в результате анализа внутренней формы номинаций домового (означаемое символа «домовой»): 1) предок, 2) огонь, 3) тот свет, смерть, 4) достаток; 5) двойник.

Выводы. Итак, по итогам анализа внутренней формы диалектных номинаций домового в разных областях России мы можем реконструировать обобщенно-собираТЕЛЬный семантический портрет русского домового. Он складывается из совокупности сем внутренней формы диалектизма. Понятие «домовой» — родовое обозначение разновидностей тех сверхъестественных существ, которые могут обитать в доме, на прилегающей к нему хозяйственной территории и в стоящих на ней постройках. Домовой — и злое и доброе существо. Злая сила домового связана с потусторонним миром, из которого он приходит. Поэтому в доме он занимает «отверстия» (окно, печной зев, трубу, голбец, подпол и пр.), которые связывают дом с тем светом. Злое начало проявляется в некоторых его поступках: он гнетет, пугает, букает и бомкает, мучит, манит, изводит, лижет шерсть или волосы, хамает (кусает, ест), стрижет скот, обламывает и осаживает. За это народ часто дает ему негативно оценочные имена: *лихой, дурной, страхилат* и др. Добрая сторона домового связана с тем, что он персонифицирует печной огонь и единственный из нечистой силы, который может жить на печи. Домовой бережет дом и преумножает хозяйство, хранит информацию о роде, поскольку сам является умершим предком. Как хранитель рода, он является «тенью», двойником хозяина. О внешности домового известно, что он может быть белый, округлый, иногда маленький без ног и без рук, иногда двойником хозяина. Домовой приносит в дом достаток и часто превращается в животных, имеющих густую шерсть и символизирующих богатство: в кошку, медведя, в домашний скот, в ласку и волка. Время появления домового отмечено сакральным часом: полночью или полднем. Анализ внутренней формы номинаций домового позволил выявить следующие символические значения: 1) 'предок', 2) 'огонь', 3) 'потусторонний мир', 'смерть', 4) 'достаток', 5) 'двойник'.

Список сокращений

- Арх. — Архангельская губерния (область)
- Астр. — Астраханская губерния (область)
- Влад. — Владимирская губерния (область)
- Волог. — Вологодская губерния (область)
- Ворон. — Воронежская губерния (область)

Енис. — Енисейская губерния
Зап., Южн. Сиб. — Западная, Южная Сибирь
Казан. — Казанская губерния
Калин. — Калининская область
Калуж. — Калужская губерния (область)
Камч. — Камчатская область
Костр. — Костромская губерния (область)
Курск. — Курская губерния (область)
Латв. ССР — Латвийская ССР
Ленингр. — Ленинградская область
Новг. — Новгородская губерния (область)
Олон. — Олонецкая губерния
Орл. — Орловская губерния (область)
Карел. — Карельская АССР
Пск. — Псковская губерния (область)
Ряз. — Рязанская губерния (область)
Самар. — Самарская губерния
Сарат. — Саратовская губерния (область)
Сиб. — Сибирь
Смол. — Смоленская губерния (область)
Твер. — Тверская губерния
Тул. — Тульская губерния (область)
Яросл. — Ярославская губерния (область)

Источники

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–18 / Под ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. 1125 с.

СБГ — Словарь брянских говоров. Вып. 1–5 / Под ред. В.А. Козырева. Ленинград.: Изд-во ЛГПИ, 1976–1988.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / Науч. ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001–2011. Т. 1–5.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Ленинград (Санкт-Петербург): Наука. Ленингр. отделение, 1968–2013. Вып. 1–46.

ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. А.И. Ивановой. Смоленск: Смол. пед. ин-т им. Карла Маркса, 1974—1993. Вып. 1—6.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с немецкого О.Н.Трубачева. М.: Прогресс, 1964—1973. Т. 1—4.

Литература

Алексеев А.В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики. М.: ГБОУ ВПО МГПУ, 2013. 164 с.

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 324 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Наука, 1983. 191 с.

Валенцова В.В. Шерсть // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 492—493.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Издательство «Маматов», 2011. 272 с.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: Русский купец; Братья славяне, 1995. 560 с.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород: Русский купец; Братья славяне, 1995. 368 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. М.: Худ. лит., 1989.

Даль В.И. Домовой // О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. М.: Юрайт, 2021. С. 12—16. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/475931> Дата обращения: 26.11.2021.

Ендеров В.А. Проблемы классификации демонологических персонажей: Учебное пособие. Чебоксары: Чуваш. государственный ун-т, 2002. 96 с.

Забьлин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: В 4 ч. М.: Инст. русской цивилизации, 2014. 688 с.

Ивашина Н.С. Символическое значение 'огонь' в диалектных номинациях домового // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Москва—Ярославль, 2021. С. 241—246.

Ивашина Н.С. Цветовой семантический признак внутренней формы в диалектных номинациях домового // Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 2020. С. 148—152.

Касимов Р.Н. Образ «домовой» в мифологии чепецких татар // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и со-

временность. Материалы региональной науч.-практич. конференции. Глазов, 1999. С. 11–13.

Королев К. Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Эксмо, СПб.: Мидград, 2006. 720 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004. 1008 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 503 с.

Маркина Л.В. Диалектные бранные обозначения женщин (на материале современных русских говоров) // Русский язык и литература в образовательном процессе: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: ИД «Марк», 2016. С. 64–69.

Померанцева Э.В. Рассказы о домовом // Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 92–117 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Академический Проект, 2013. 806 с.

Толстик С.А. Национальный образ внешности: к истории и этимологии русского диалектного прилагательного букатый // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 66–75.

Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 19–40.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 248 с.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук: Ленинград, 1983. 435 с.

Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель, 2001. 623 с.

Якушевич И.В. Лингвокогнитивная типология символа // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2012. № 4. С. 5–13.

Якушевич И.В. Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 85–91.

References

Istochniki

AOS — Arhangel'skij oblastnoj slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. Pod red. O.G. Gecova. Moscow: Moscow State University. 1980–2017. Vols. 1–18. (In Russ.).

Dahl V.I. (1994). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols.]. Reprint of the 1903–1909 edition. Moscow: Progress — Universal Publ. (In Russ.).

D'jachenko G. (1993). *Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar'*. [Full Church Slavonic dictionary]. Reprint of the 1900 edition. Moscow: Izdatel'skij otdel moskovskogo patriarhata. 1125 p. (In Russ.).

SBG — Slovar' brjanskikh govorov [The Dictionary of Bryansk dialects]. Pod red. Kozyre V.A. Leningrad: Leningrad State Pedagogical University, 1976–1988. Vols. 1–5. (In Russ.).

SVG — Slovar' vologodskikh govorov: V 12 vyp. [Dictionary of Vologda dialects: In 12 is.]. Pod red. Panikarovskay T.G. Vologda: Rus', 1983–2007. (In Russ.).

SGRS — Slovar' govorov russkogo Severa. [The dictionary of dialects of the Russian North]. Pod red. Matveev A.K. Ekaterinburg: Ural State University, 2001–2011. Vols. 1–5. (In Russ.).

SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Pod red. Filin F.P., Sorokoletov F.P. Myznikov S.A. Leningrad (Saint Petersburg): Nauka, 1968–2013. Vols. 1–46. (In Russ.).

SSG — Slovar' smolenskikh govorov [The Dictionary of Smolensk dialects]. Pod red. Ivanova A.I. Smolensk: Smolensk Pedagogical Institute, 1974–1993. Vols. 1–6. (In Russ.).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress, 1964–1973. Vols. 1–4. (In Russ.).

Literatura

Alekseev A.V. (2013). *Semioticheskie kategorii jazyka i kul'tury pri diahronicheskom analize leksiki* [Semiotic categories of language and culture in diachronic analysis of vocabulary]. Moscow: Moscow City University. 164 p. (In Russ.).

Alefirenko N.F. (2005). *Spornye problemy semantiki* [Controversial problems of semantics]. Moscow: Gnozis. 324 p. (In Russ.).

Afanas'ev A.N. (1994). *Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow: Indrik. Vols. 1–3. (In Russ.).

Bajburin A.K. (1983). *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan* [Dwelling in ceremonies and representations of East Slavs]. Leningrad: Nauka. 191 p. (In Russ.).

Valencova V.V. (2002). Sherst' [Wool]. *Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija. Pp. 492–493. (In Russ.).

Vinogradova L.N. (2000). *Narodnaja demonologija i mifo ritual'naja tradicija slavjan* [Folk demonology and mytho-ritual tradition of Slavs]. Moscow: Indrik. 432 p. (In Russ.).

Goleva T. (2011). *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzrenija komi-permjakov* [The mythological characters in the system of world Outlook of Komi-Perm]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Mamatov", 2011. 272 p. (In Russ.).

Grushko E.A., Medvedev Yu.M. (1995). *Slovar' russkih sueverij, zaklinanij, primet i poverij* [Dictionary of Russian superstitions, spells, will and beliefs]. Nizhnij Novgorod: Russkij kupec; Brat'ja slavjane. 560 p. (In Russ.).

Grushko E.A., Medvedev Yu.M. (1995). *Slovar' slavjanskoj mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Nizhnij Novgorod: Russkij kupec; Brat'ja slavjane. 368 p. (In Russ.).

Dahl V.I. (1989). *Poslovice russkogo Naroda: V 3 t.* [Proverbs of the Russian people: In 3 vols.]. Moscow: Hud. lit. (In Russ.).

Dahl V.I. (2021) *Domovoj* [The home spirit]. *O pover'jah, sueverijah i predrassudkah russkogo naroda* [About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. Moscow: URAIT. Pp. 12–16. URL: <https://urait.ru/bcode/475931> Accessed: 26.11.2021. (In Russ.).

Enderov V.A. (2002). *Problemy klassifikacii demonologiceskih personazhej* [The mythological characters in the system of world Outlook of Komi-Perm]. Uchebnoe posobie. Cheboksary: Chuvash University, 2002. 96 p. (In Russ.).

Zabylin M. (2014). *Russkij narod. Ego obychai, obrjady, predanija, sueverija i poezija* [Russian people. His customs, rites, legends, superstitions and poetry]. Moscow: Inst. russkoj civilizacii. 688 p. (In Russ.).

Ivashinina N.S. (2021). Simvolicheskoe znachenie 'ogon' v dialektnyh nominacijah domovogo [The symbolic meaning of 'fire' in the dialect nominations of the House Spirit]. *Problemy sovremennogo filologiceskogo obrazovaniya. Sb. nauch. tr. XI Vserossijskoj nauchno-prakticeskoj konferencii* [Problems of modern philological education. Collection of scientific articles of the XI All-Russian scientific-practical conference]. Moscow-Yaroslavl'. Pp. 241–246. (In Russ.).

Ivashinina N.S. (2020). Cvetovoj semanticeskij priznak vnutrennej formy v dialektnyh nominacijah domovogo [The color semantic sign of the internal form in the dialect nominations of the House Spirit]. V sbornike: *Lekantovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [In the collection: Lekantovskie readings. Materials of the International Scientific Conference]. Moscow. Pp. 148–152. (In Russ.).

Kasimov R.N. (1999). *Obraz "domovoj" v mifologii chepeckih tatar* [The image of the House Spirit in the mythology of Chepetsky Tatars]. *Material'naja i duhovnaja kul'tura narodov Povolzh'ja i Urala: istorija i sovremennost': materialy regional'noj nauch.-praktich. Konferencii* [Material and spiritual culture of the peoples of the Volga region and the Urals: history and modernity. Materials of the regional scientific and practical conferences]. Glazov. 11–13 p. (In Russ.).

Korolev K. (2006). *Jenciklopedija sverhjestestvennyh sushhestv* [Encyclopedia of supernatural beings]. Moscow: Jeksmo; St. Petersburg: Midgrad. 720 p. (In Russ.).

Krinichnaja N.A. (2004). *Russkaja mifologija: Mir obrazov fol'klora*. [Russian mythology: the World of folklore images]. Moscow: Akademicheskij proekt. 1008 p. (In Russ.).

Maksimov S.V. (1903). *Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila* [Evil, unknown and power of the cross]. Saint Petersburg: Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil'borg. 503 p. (In Russ.).

Markina L.V. (2016). Dialektnye brannye oboznachenija zhenshhin (na materiale sovremennyh russkih govorov) [Dialectal swear denote women (on the material of modern Russian dialects)]. *Russkij jazyk i literatura v obrazovatel'nom processe: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russian language and literature in the educational process: materials of International scientific-practical conf.]. Saratov: ID "Mark". Pp. 64–69. (In Russ.).

Pomeranceva Je.V. (1975). Rasskazy o domovom [Stories about the brownie]. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka. Pp. 92–117. (In Russ.).

Potebnja A.A. (1999). *Mysl' i jazyk* [Thought and language]. Moscow: Labirint. 300 p. (In Russ.).

Rybakov B.A. (2013). *Jazychestvo drevnej Rusi* [Paganism of ancient Russia]. Moscow: Akademicheskij Proekt. 806 p. (In Russ.).

Tolstik S.A. (2016). Nacional'nyj obraz vneshnosti: k istorii i jetimologii russkogo dialektnogo prilaga-tel'nogo bukatyj [National image of appearance: on the history and etymology of the Russian dialect adjective Bukaty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. №3 (41). Pp. 66–75. (In Russ.).

Toporov V.N. (2004). O nekotoryh teoreticheskikh osnovanijah jetmologicheskogo analiza [On some theoretical grounds for an etymological analysis]. *Issledovanija po jetimologii i semantike: Teorija i nekotorye chastnye ee prilozhenija*. [Research on etymology and semantics: Theory and some of its applications.]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. Vol. 1. Pp. 19–40. (In Russ.).

Uspenskij B.A. (1952). *Filologicheskie razyskanija v oblasti slavjanskih drevnostej* [Philological searches in the field of Slavic antiquities]. Moscow: Moscow State University. 248 p. (In Russ.).

Cherepanova O.A. (1983). *Mifologicheskaja leksika russkogo jazyka* [Mythological vocabulary of the Russian language]. Philology dokt. diss. Leningrad. 435 p. (In Russ.).

Shaparova N.S. (2001). *Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii* [A brief encyclopedia of Slavic mythology]. Moscow: Astrel'. 623 p. (In Russ.).

Yakushevich I.V. (2012). Lingvokognitivnaya tipologiya simvola [Linguocognitive typology of a symbol]. *Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika"* [RUDN Bulletin. Linguistics series.]. Moscow: RUDN. № 4. Pp. 5–13. (In Russ.).

Yakushevich I.V. (2011). Lingvokul'turologicheskij kommentarij slova-simvola v poeticheskom tekste [Linguoculturological commentary of the word-symbol in the poetic text]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. Moscow. № 1. Pp. 85–91. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Якушевич И.В. — научное руководство; концепция исследования; методология исследования, реконструкция этимологического значения, написание текста; итоговые выводы.

Ивашина Н.С. — сбор и описание языкового материала; реконструкция этимологического значения; концепция исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Yakushevich I.V. — scientific management; research concept; methodology development; reconstruction of etymological meaning, text writing; final conclusions.

Ivashina N.V. — collection and description of language material; reconstruction of etymological meaning; research concept; final conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2021; одобрена после рецензирования 09.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 19.07.2021; approved after reviewing 09.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторах

Ирина Викторовна Якушевич — доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет; профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин; сфера научных интересов: лингвистический анализ поэтического текста, символ в русской поэзии, в диалектной лексике, а также лингвокультурология и этнолингвистика.

Надежда Сергеевна Ивашина — ассистент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»; сфера научных интересов: реклама, диалектология, этнолингвистика, лингвокультурология.

Information about the authors

Irina Viktorovna Yakushevich — Doctor of Philology, Associate Professor, Moscow City University, Professor of the Department of the Russian Language

and Methods of Teaching; the sphere of scientific interests: a linguistic analysis of poetic text, a symbol in Russian poetry, in dialectic vocabulary, as well as linguocultureology and ethnolinguistics.

Nadezhda Sergeevna Ivashinina — Assistant of the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics of the National Research University “Moscow Power Engineering Institute”; research interests: advertising, dialectology, ethnolinguistics, linguocultureology.